

Исторические типы двуязычия и типология языковых конфликтов

Abstract. The paper deals with distinctions between people's attitudes towards two- or multilingualism, which were characteristic for three periods in the history: 1) in prehistoric (preliterate) times; 2) in centuries of blossoming of theistic religions of the Writing; 3) during Modern times, in the conditions of formation of the European nations and the national states. It is shown that the relation of preliterate people to the language was utilitarian, neutral in aspect of desirability, not ideological; a language was neither a cult subject, nor a tribe symbol. The first language conflicts appear in the Middle Ages in the cultures created by religions of the Writing, in the conditions of cultural and religious bilingualism with initially uncompetitive coexistence of supra-ethnic cult language (*lingua sacra*) and local ethnic language (*lingua vernacula*). During Modern times, the cultural and religious bilingualism gives way to national bilingualism, by the nature more dynamic and conflict (than cultural and religious bilingualism). Typological features of the language situations which increase probability of the national and language conflicts are considered, and also classes of the events, capable to change *status quo* and to strengthen or weaken the conflict potential of a situation are considered.

Key words: prehistoric (preliterate) languages; shibboleth; religions of Writing; linguistic ideology; non-conventional relation to the word; diglossia; cultural bilingualism; ethnic (national) bilingualism; typological factors of a conflictness of language situations; the events, capable to change the conflict potential of a situation.

1. Дописьменные времена: свидетельства доисторической рефлексии людей над соперничеством языков или их судьбами неизвестны. Отношение дописьменных людей к своему языку было утилитарным, недезинтересным, неидеологическим и несимволическим. Метаязыковые мотивы в мифологии и фольклоре немногочисленны. Это такие мотивы: 1) слово создает мир (Ветхий и Новый Завет); 2) древнеиндоевропейское противопоставление язык богов vs язык людей [Гамкрелидзе, Иванов 1984]; 3) оппозиция «язык людей vs язык зверей и птиц» (Коран, XXVII, 16), скандинавская мифология, русские сказки); 4) два противоречащих друг другу объяснения разноязычия – Божьей карой и рассеянием колен прежде одного племени (Ветхий Завет). Однако в мифологиях неизвестны мотивы горечи, связанной с утратой языка, как нет и отзвуков ликования, вызванного экспансией своего наречия; вообще, нет дезинтересного или эмоционального отношения к языку. В дописьменное время какие-то слова или речевые формулы могли считаться магическими, многое табуировалось, но в целом язык не был ни предметом культа, ни символом племени.

В мифологиях почти нет следов того, что люди замечали речевые особенности соседних племен – например, недостаточную понятность речи пленников. По-видимому, эти различия замечались, но дописьменных людей они не беспокоили. Победы и поражения племен не переносились на языки. Не закрепленные в письменной традиции, языки легко забывались, и это никого и не беспокоило, и не радовало. Перевес одного из контактирующих языков зависел не от чьей-либо воли, плана, политики, сознательной поддержки одного языка и подавления другого. Экспансия языка складывалась как результирующая многих и неуправляемых сил. Военная победа племени не всегда означала победу языка этого племени. Победители нередко усваивали язык побежденных. Напри-

мер, тюркоязычные волжские булгары, которые в VII в. мигрировали на Балканский полуостров, усвоили южнославянское наречие; германское племя франков на рубеже V–VI вв. двинулось на запад от Рейна, завоевало Галлию, образовало могущественное Франкское государство, но при этом франки переняли местный галло-романский язык. Нередко возникал новый гибридный язык.

В обоих Заветах Библии есть истории о том, как чужака опознают по выговору: на переправе через Иордан уцелевшим после битвы ефремлянам приказывали сказать *шибболет* ('поток воды') и тех, у кого получалось *сибболет* ('бремя'), тут же закалывали (Суд. 12:5-6). В ночь ареста Иисуса люди узнают в апостоле Петре одного из спутников назарянина: «точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя» (Матф. 26: 74). Аналогичные ситуации известны в истории Средних веков, в Гражданскую войну в России, в наше время. Слово *шибболет* вошло в европейские языки в значении 'опознавательный пароль, содержащий характерное слово или звук, по произношению которого можно опознать иностранца (чужеземца, неприятеля), поскольку чужак не может правильно произнести контрольное слово'. Однако, при всей драматической связи языка и судьбы человека, можно видеть, что «шибболет» – это всего лишь этноязыковой пароль, но не начало лингвистической идеологии. В библейском рассказе о *шибболете* еще нет оценочного, эмоционального или дезиративного отношения к языку; 42 тысячи зарезанных на переправе через Иордан были жертвами реальной войны, но не войны из-за языков, азбук или слов.

2. Первые языковые конфликты появляются в Средние века в культурах, сформированных религиями Писания, в условиях культурно-религиозного двуязычия с первоначально неконкурентным соприсутствием надэтнического культового языка Писания (*lingua sacra*) и языка этнического (народного, «простого», местного (*vernacula*), «нового»). С появлением теистических религий (иудаизм) и особенно с распространением мировых теистических религий Писания (христианство, ислам) вокруг новых религий, их вероучительных книг и апостолов, которые обращались не к одному «своему» народу, а к людям разных племен, постепенно складываются надэтнические культурно-религиозные миры, выходящие за пределы этносов и государств. Первоначальный язык культа и церковной культуры был языком надэтническим (древнегреческий язык «Септуагинты» и Нового Завета, латынь, старославянский, вэньянь канона сочинений Конфуция, классический арабский VII в.). Основная трудность в использовании культового языка состояла в том, что ко времени канонизации Писания язык культа ни для одного народа уже не был родным. Его нельзя было усвоить от матери, просто по жизни; для каждого отдельного народа язык **своей** религии был языком более или менее чужим (если не генеалогически, то хронологически, как древнегреческий в Византии, старославянский для македонцев и болгар, латынь для романских народов).

Если язык вероучения не вполне понятен, то было бы естественно создавать переводы. Между тем на протяжении веков церковь не решалась переводить Писание на народные языки; совсем не мыслилась храмовая служба на «простом» языке, потому что в переводах видели источник заблуждений. Психолого-семиотические истоки пристрастности к культовому языку состояли в «средневековом фетишизме», «символизме» [Виноградов [1934] 1982: 40–42]) и «крайнем буквализме» [Успенский 1987: 313–316] по отношению к церковным словам и формулам, что в терминах семиотики Б. А. Успенский трактует как «неконвенциональное понимание знака» [1987: 20], когда в знаке видят не условную (конвенциональную) метку вещи, но важную часть самой вещи и приписывают знаку свойства вещи¹. Феномен неконвенционального восприятия знака своими корнями уходит в пралогическое мышление. В наши дни неконвенциональное отношение к знаку можно наблюдать у дошкольников. Ребенок как бы отождествляет слово и называемый им предмет и переносит свойства предмета на слово: например, уверен, что слово *слон* больше, чем слово *бабочка*, что слово *конфета* – сладкое, а *дождь* – мокрое и т. п. Как показал Ж. Пиаже, дети только на десятому году осознают, что связь между именем и предметом произвольна, условна. Черты неконвенционального восприятия слова иногда встречаются у поэтов и страстных приверженцев поэзии, при некоторых видах шизофазии.

В Средние века неконвенциональная трактовка знака из бытовой магии и суеверий (*не к ночи будь помянут; беды не накаркай*) распространилась на отношение к церковным книгам и языку, в особенности к некоторым ключевым словам и словесным формулам. Вот характерный эпизод из истории реформы патриарха Никона (сер. XVII в.), – исправления церковных книг по авторитетным греческим образцам (приводимый Б. А. Успенским [1978: 314]). До реформы в «Символе веры» было написано: *Верую [...] в Бога [...] рожденна, а не сотворенна*. После исправления (ок. 1660 г.) стало: *Верую [...] в Бога [...] рожденна не сотворенна*, т. е. опущен противительный союз *а* [буква *азъ*]. Правка вызвала острое неприятие противников реформ Никона (будущих старообрядцев). В устранении союза *а* они усматривали ересь в понимании природы Христа – как если бы он был *сотворен*. Старообрядцы не только грозили анафемой и адом никонианам: «И за единой *азъ*, что ныне истребили из Символа, последующим вам быти всем во аде со Ариемь еретиком» [Субботин 1885, т. VII: 274], но и сами были готовы идти в огонь: «Надлежит нам горети за единый *азъ*». Подобные призывы не были риторикой. Историки русской церкви пишут о 20 тысячах «гарей» (самосожжений) тех, кто не мог смириться с Никоновой «книжной справой».

Неконвенциональное отношение к знаку характерно и для западного христианства. В одном латинском сочинении XII в. употребление слова *Deus* ‘Бог’

¹ Ср.: «В силу неконвенциональности понимания знака сакральность содержания [вероучительных книг. – Н. М.] переносится на средства выражения, и самый язык воспринимается как сакральный» [Успенский 1987: 20].

во множественном числе расценивалось как кощунственная уступка многобожию, а грамматика – как изобретение дьявола: «Не учит ли она разве склонять слово *Бог* во множественном числе?». Переводы Писания встречались враждебно. По инициативе и при участии Джона Уиклифа (Wycliffe, 1320–1384), оксфордского профессора и проповедника, был выполнен первый полный перевод Библии на английский язык (1382). Однако папа Григорий XI и затем собор английских епископов осудили перевод Уиклифа. Репрессии против него продолжались и после его смерти: в 1415 г. Констанцкий вселенский собор признал Уиклифа еретиком, а его останки были сожжены. Полтора века спустя английский последователь Лютера священник Уильям Тиндаль (Tyndale, 1477–1536) издал Новый Завет и Пятикнижие Моисеево на английском языке. По приговору католического суда Тиндаль был удушен и сожжен.

В ситуациях культурно-религиозного двуязычия складывается исторически первая лингвистической идеология: стремление сохранить надэтнический культурный язык в его, по возможности, первоначальном виде; стремление удержать надэтнический язык в церкви и в других ответственных и престижных сферах жизни; консервативно-реставрационная направленность филологической работы.

Средневековая культура поразительно словоцентрична. Вокруг слов, переводов, редакторских правок кипели страсти и лилась кровь. Н. И. Толстой писал, что «исправление книжное» (при Никоне) было «возведено на Руси в дело первейшего государственного значения»; позже такой вовлеченности почти всех слоев общества в проблемы аутентичности слова уже не было: «едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились столь остро» [Толстой [1963] 1988: 146].

3. В Новое время культурно-религиозное двуязычие (близкое к диглоссии) уступает место национальному (этническому) двуязычию, более динамичному и конфликтному. Складывается исторически второй тип лингвистической идеологии: не религиозно-языковая, но национально-языковая. Язык стал осознаваться как духовная скрепа народа, предмет национальной гордости, символ национального единства, а в случае опасности – объект защиты, в которой народ объединяется и мужает. Романтизм внес свой вклад в лингвистическую идеологию индустриальной эпохи: в языке стали видеть источник национальной самобытности, воплощение народной души и духа. С начала XIX в. вызревает европейский идеал национально-языковой организации общества: каждый народ живет в своем национальном государстве и говорит на своем национальном языке. Однако триада «один народ – один язык – одно государство» была слишком утопична, чтобы серьезно приблизиться к реальности. Что касается постколониального мира, то здесь европейский национализм не нашел даже чисто идеологического спроса.

4. Почему национально-языковые проблемы в большей мере конфликтны, чем языковые вопросы в ситуациях культурно-религиозного двуязычия? Если при диглоссии языки распределены по коммуникативным сферам дополнительно (каждый язык – в своей функциональной сфере), то при национальном двуязычии распределение конкурентное: два языка стремятся выполнять одни и те же функции. Поэтому если диглоссные ситуации более стабильны и сохраняются веками, то ситуации национального двуязычия в принципе нестабильны и конфликтны, поскольку конкуренция языков неустранима так же, как и людское соперничество, соревнование, конкуренция, конфликт. Если при диглоссии ее религиозно-языковая идеология адресована интеллектуальной элите (не аристократии и не политической элите, а книжникам), то идеология национального двуязычия адресована всем жителям ареала и направлена на их сплочение в сообщество граждан (полинациональное или мононациональное). В условиях диглоссии максимальная психологическая трудность для отдельного человека состоит в его «профнепригодности»: не так перевел, не так исправил (хотя эти ошибки и были чреватые анафемой, заточением, сожжением). При национальном двуязычии самая острая для человека ситуация – это оказаться «без языка» (невозможно найти работу, снять жилье, убедить полицию в своей невиновности, объяснить врачу, что и как болит и т. п.). Эти реальные беды актуализируют в сознании человека психологические состояния архетипической глубины и мощи: страх отбиться от «своих» и боязнь «чужих». В ситуации «без языка» человек ощущает свою «природную», как бы физическую, т. е. неустранимую беспомощность. Для украинского крестьянина в повести В. Г. Короленко «Без языка» (1895) перейти на английский несбыточно в той же мере, как чернокожему стать белым.

Таким образом, существование многонациональных и многоязычных государств всегда вынуждено и архетипически конфликтно (пусть и в разной мере). В объяснении нуждается не взаимная настороженность народов, а то, как им удастся десятилетиями жить рядом и не ссориться. В каждой благополучной ситуации имеется соглашение о том, как разделено экономическое, политическое, культурно-образовательное пространство; есть опыт, как, поощряя соревновательность и конкуренцию, предупреждать конфликты. И чем более цивилизованы народы, тем более юридичны и предусмотрительны такие договоренности.

5. Предпосылки национально-языковых конфликтов. Типологически значимые черты языковых ситуаций, повышающие вероятность и остроту конфликтов.

5.1. Чем ближе к равновесию демографическая мощь языков, образующих ситуацию, тем конфликтность ситуации выше. Эта зависимость хорошо видна в странах Балтии. Как известно, языковой вопрос здесь острее всего стоит в Латвии, существенно мягче – в Эстонии и не является проблемой в

Литве. И именно в такой последовательности возрастает удельный вес во всем населении страны граждан титульной нации. См. таблицу:

Страны Балтии	Процент граждан титульной нации по годам переписей			
	1959	1979	1989	2011/2012
Латвия	62	56,8	53	62
Эстония	74,6	68,2	64	69
Литва	79	80	78,7	84

5.2. Дисперсность проживания национального меньшинства чревата множеством мелких конфликтов с окружающими, но усиливает ассимиляцию меньшинства мажоритарным народом. Компактное проживание меньшинства в большей мере, чем дисперсность, сохраняет *status quo*, однако если миноритарное национальное сообщество склонно к сепаратизму, то при компактном проживании сепаратизм может усилиться.

5.3. Ближайшее родство контактирующих языков влияет на степень языковой конфликтности соответствующего социума противоречиво: индивиды не попадают в ситуации «без языка», но именно потому, что языковые барьеры невысоки и практические (утилитарные, коммуникационные) трудности легко преодолеваются, близкородственное двуязычие становится проблемой идеологической, символической и политической. Подобная близость языков, когда их носители понимают друг друга без переводчика, имеет место между языками румынским и молдавским, болгарским и македонским, чешским и словацким, русским и белорусским, русским и украинским, сербским и хорватским, сербским и боснийским, сербским и черногорским; в отделенных ареалах между хинду и урду, испанским и каталанским (перечень, конечно, неполон).

В индустриальной и последующих эпохах в истории взаимодействия близкородственных языков есть два класса процессов: 1) стихийные процессы конвергенции идиомов¹; 2) нестихийные процессы, в той или иной мере искусственные («рукотворные», волюнтаристские), обусловленные языковой политикой и идеологией и могущие иметь как конвергентную, так и дивергентную направленность.

В условиях близкородственного двуязычия определенные круги гуманитарной интеллигенции и политические круги начинают воспринимать родной язык как национальный символ, по значимости сопоставимый с государственным гербом, флагом. Языковой вопрос в таком социуме становится не только частью решаемых проблем, но и рычагом, инструментом идеологии и политики. В таких ситуациях обычно наблюдается повышенный волюнтаризм по отношению к языкам, причем не только в воздействии на ситуацию, на распределение языков по социальным сферам и функциям (т. е. в области юридической и ад-

¹ Что касается стихийной дивергенции контактирующих языков, то в постфеодальное время в одной языковой ситуации (т. е. в ареале одного социума) дивергенция по определению невозможна.

министративной), но и в кодификации языков. Осуществляется «рукотворная», «кабинетная» конвергенция или дивергенция языков.

Острота конфликтов в таких ситуациях зависит от политических взаимоотношений между национальными коллективами, в том числе от интенсивности их конкурентных контактов. Одни конфликты затухают, другие разгораются.

Так, болгарско-македонский конфликт после десятилетий бурной полемики (связанной с тем, что Македония оказалась в составе Югославии, а не Болгарии, как планировали в годы Второй мировой войны болгарские коммунисты в Коминтерне) сейчас утих – потому в первую очередь, что народы живут в разных странах, т. е. болгарский и македонский языки не являются компонентами **одной** языковой ситуации.

Конфликт, связанный с судьбами молдавского и румынского языков, напротив, обостряется. До распада соцлагеря, пока молдавский и румынский языки находились в разных и далеко не равных по силе государствах, конфликт был незаметен или его прятали. Однако после распада СССР конфликтный потенциал постепенно нарастает, потому что в ареале имеются как сторонники «объединения» языков молдаван и румын, а также объединения самих народов и двух государств, так и противники такого объединения.

Объединительная, унитаристская активность, как правило, исходит от имперских или иных мажоритарных сил. Но не всегда: бывает, что относительно малые народы, в целях консолидированного противостояния имперским силам, сознательно идут на некоторое взаимное сближение, включая конвергенцию в кодификации своих письменностей.

Факты «неимперской» рукотворной конвергенции (или попыток конвергенции) известны из истории южнославянских литературных языков: это прежде всего движение иллиризма (1820–1840-е гг.), вдохновленное хорватским просветителем и поэтом Людевитом Гаем. Позже Л. Гай и выдающийся сербский филолог и просветитель Вук Караджич призвали сербских, хорватских и словенских литераторов и учёных к письменно-литературному сплочению. В 1850 г. в Вене был подписан документ, вошедший в историю как «Венское литературное соглашение» (*Бечки књижевни договор/Bečki književni dogovor*) – договор о единстве **языка** сербов и хорватов. Основу общего языка составили штокавские диалекты, которые широко распространены как в ареале сербского языка (в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине), так и в значительной части Хорватии; два варианта произношения звука, который в прошлом обозначался буквой «ять», – как «э» («экавская» норма) или как «ие» («иекавское» произношение) – признавались одинаково допустимыми; оба алфавита – на кириллической основе у сербов (в основном православных) и на латинской основе у хорватов (преимущественно католиков) – признавались равноправными.

И. В. Ягич, отмечая, что некоторые орфографические правила Венского соглашения не были приняты, пишет: «К сожалению, и в этом ограниченном объеме соглашение не было уважено жизнью» [Ягич [1910] 2003: 409]. Важен, однако, сам принцип объединения двух идиомов: хотя два лингвонима объедини-

лись в одном, но сохранялись важнейшие различия идиомов; значим был сам призыв рассматривать письменную культуру сербов и хорватов как культуру одного языка. В духе Венского соглашения лингвоним *сербскохорватский* и его инвертированный вариант *хорватскосербский* стал основным официальным (правительственным, школьным, университетским) названием литературного языка хорватов и сербов на более чем 100 лет, а школьников в четырех республиках СФРЮ учили (и выучивали) абсолютно легко («автоматически») переходить и в чтении, и в письме с латинки на кириллицу и обратно ¹.

Примеры имперской рукотворной конвергенции в условиях близкородственного двуязычия: русифицирующие орфографические реформы 1933 г. в Украинской ССР (в мае) и Белорусской ССР (в августе).

Приведу примеры рукотворной дивергенции близкородственных идиомов:

- создание в 1920-х гг. собственно белорусских слов (иногда на основе белорусской диалектной лексики), призванных заменить десятки русских и польских заимствований, которые в «абеларушаным правапісу» (термин М. Байкова и С. Некрашевича) использовались в «Нашай Ніве» и других белорусских изданиях первых двух десятилетий XX в.;
- в современном белорусском языке орфографические и лексические инновации (которые на деле нередко реставрируют нормы тарашкевицы 1920-х гг.) ²;
- хорватские школьные грамматики времен Второй мировой войны, резко пуристические по отношению к сербским вариантам;
- кодификация идиомов бывшей СФРЮ после ее распада, в том числе объявление самостоятельными, отдельными языками боснийского и черногорского.

По мнению ряда неангажированных исследователей, цели дробления и дивергентных кодификаций могут быть не только идеологическими и политическими (сохранение духовного наследия народа, укрепление суверенитета и т. п.), но и вполне утилитарными, в том числе денежными: издаются и покупа-

¹ По сведениям Ягича, Венское соглашение подписали «восемь главнейших представителей сербско-хорватской литературы и науки» [Ягич [1910] 2003: 408]. Еще спустя 60 лет, когда Ягич писал свою «Историю [...]», ему не казалось, что для объединения двух языков восьми подписей мало. Значит, такой была культурная ситуация на Балканах – когда в определении судьбы двух языков восемь литераторов составляли кворум. Понятно, что к соседству двух славянских языков в крестьянских провинциях Австро-Венгрии в середине XIX в. всё это имело слабое отношение.

² Хотя даже на пике Второго белорусского возрождения (начало 1990-х гг.) тарашкевица не была принята официально, однако некоторые ее особенности успели прижиться в государственных СМИ (впрочем, чаще как факкультативные параллели по отношению к школьным нормам): *адсотак* (и «наркамаўскае» *працэнт*), *асобнік* (и *экземпляр*), *вернік* (и *веруючы*), *вучэльня* (и *вучылішча*), *выбітны* (и *выдатны*, в качестве соответствия рус. *выдающийся*), польск. *wybity*), *выстава* (и *выстаўка*), *выступаўца* (и *выступаючы*), *гарбата* (и *чай*) и т. д. Особенно сильны и семиотически значимы дивергентные модификации в ономастике (в текстах на тарашкевице): *Аўген* (традиционное *Ю́ген*), *Панас* (из *Апанас*), *Павал*, *Хведар*, *Пётра*; *Альбанія*, *Ангельшчына* (и этноним *ангелец*, прилагательное *ангельскі*), *Бэлград*, *Бэльгія*, *Бэрлін*, *Вугоршчына*, *Гішпанія* (и *гішпанская мова*), *Менск*, *мурын* 'негр', *мурынка* 'негрятанка', *Наваградак*, *Пэкін*, *Пэрсія*, *Расея* (и *Расейшчына* 'русский язык', *расейская мова*), *Турэччына*, *Эўропа* (см. подробно [Мечковская 2003; Мечковская 2005]).

ются новые учебники (в модифицированной орфографии), словари, растет спрос на редакторов, корректоров и т. п. [Пфандль 2012].

По-видимому, в условиях глобализации миноритарный язык в соседстве с более благополучным близкородственным языком находится в постоянно депрессивной ситуации. Ср. бархатный развод чехов и словаков: два суверенных, миролюбивых и относительно благополучных государства; население обеих стран понимает оба языка; никакой языковой дискриминации – ни де-факто, ни тем более де-юре, даже официальные документы на любом из двух языков обладают равной юридической силой. Но кто из словацких гуманитариев, особенно филологов, журналистов, литераторов, назовет языковую ситуацию в Словакии оптимистичной? Каково национально равнодушным словакам сознавать, что в Словакии специалисты читают больше по-чешски, чем по-словацки? Что на словацком телевидении всего два канала (третий был закрыт в 2011 г.), в то время как на чешском – 4 канала. Что по степени использования в Сети чешский язык опережает словацкий не в 2 раза (что было бы пропорционально числу жителей в Чехии и Словакии), а более, чем в 6 раз¹. Такова самая благополучная в Славии ситуация близкородственного двуязычия.

5.4. Лингвополитический конфликт между двумя языковыми общинами может развиваться при диспропорции между демографической мощностью языка и его коммуникативной мощностью. В этой связи важно различать двуязычие «этническое» и «культурное», а также «смешанное» (что я предложила в 2000 г. [Мечковская 2011: 168–171]). Это разделение определено факторами, которые привели к двуязычию. Этническое двуязычие связано с совместной жизнью двух народов в одной стране или на пограничье двух стран. Культурное двуязычие обусловлено социально-культурными причинами. Классическим примером культурного двуязычия могут быть французско-немецкое, французско-польское, французско-русское двуязычие на протяжении более полувека (правда, это разные десятилетия XVIII и первой трети XIX в.) в Пруссии, Польше, России. Что касается смешанного (культурно-этнического) двуязычия, то в СССР оно имело место во всех союзных республиках: коммуникативная мощность русского языка повсеместно, хотя и в разной мере, превышала удельный вес русского населения. К настоящему времени в странах СНГ положение изменилось, но в разной мере и даже с разным вектором. В неславянских странах коммуникативный вес титульных языков вырос. В Беларуси вектор противоположный: выросла русифицированность СМИ и образования. В Украине расширилось использование русского языка в СМИ и массовой культуре. По данным Юрия Макарова, киевского телеведущего и телеаналитика (15.11.2013), в украинских книжных магазинах книги на русском языке составляют 60–70 %;

¹ По данным исследования о представленности в Сети разных языков (W3Techs), в апреле 2013 г. во всемирной паутине сайты и страницы на чешском языке составляли 0,6 %, в то время как суммарный процент веб-сайтов на словацком языке не достигает 0,1 % [Usage of content languages for websites // http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all].

украинское телевидение на 80 % вещает по-русски (<http://www.svoboda.org/audio/audio/1040648.html>).

В Беларуси диспропорция между демографической и коммуникативной мощностью проявляется по-разному. В частности, по переписи населения Беларуси в 2009 г. процент граждан, считающих русский своим родным языком, превышает процент тех граждан, которые, по данным переписи, назвали себя русскими. Ср.:

Процент граждан (во всём населении Беларуси), определивших себя как белорусы или русские и назвавших своим родным языком белорусский или русский			
белорусы	родной язык белорусский	русские	родной язык русский
83,7 %	53,22%	8,3%	33,6%

Еще ряд проявлений: в Беларуси 75 % школьников учатся в школах с русским языком обучения; в книгоиздании: последние 10 лет количество книг (названий) и тираж книг на русском языке примерно в 10 раз превышают книжную продукцию на белорусском; книги на русском языке составляют примерно 80–85% продукции белорусских издательств. В Интернете белорусский представлен еще скромнее. Ю. Зиссер, основатель самого большого портала (TUT.BY) в белорусском сегменте Интернета (ByNet), в 2010 г. на вопрос журналиста, в какой мере здесь используется белорусский, ответил применительно к своему portalу: «На TUT.BY белорусским интерфейсом пользуется полтора процента посетителей – примерно так же, как и в жизни» (<http://www.imperiya.by/belnews.html?id=46769>).

В век массовой коммуникации появилось такое определение народа: население с общим телевидением. Это, в частности, и белорусский случай: у Беларуси общее с Россией телевидение; в белорусском вещании белорусские программы занимают примерно то место, которое в России отводится областному вещанию. Боюсь, что это та степень культурной экспансии, которую белорусская культура (не язык, а именно культура) не выдержит.

5.5. Всегда конфликтна пассионарность народа. Пассионарии сопротивляются ассимиляции. О силе сопротивления ассимиляции можно судить по тому, сколько людей называют родным свой материнский язык (чей лингвоним созвучен этнониму), а не общегосударственный или иной мажоритарный. Ср. данные последней советской переписи (1989).

Различия в степени ассимилированности некоторых народов, в разной степени обладавших в СССР своей государственностью

Народы	Процент населения, которое считает своим родным языком язык своей национальности
Чеченцы	98 %
Буряты	86 %
Татары	83 %
Украинцы	81 %
Белорусы	71 %

В РСФСР по сопротивляемости ассимиляции на первом месте оказался небольшой народ (меньше 1 млн человек), с недолгой письменной традицией (начавшейся в 1917 г.), не имевший даже своей «отдельной» автономии, – чеченцы¹. Хотя титульные языки союзных республик в целом чаще, чем языки автономных республик, назывались родными, но в представленных в таблице конкретных случаях это не так: у украинцев и белорусов процент людей, которые в 1989 г. назвали титульный язык своей союзной республики родным, был ниже, чем у татар и бурят.

В 1978 г. пассионарная грузинская интеллигенция, сотни грузинских студентов вышли на улицы Тбилиси, протестуя против решения Москвы в новой грузинской конституции упразднить государственный статус грузинского языка (записанный в конституции Грузинской ССР 1937 г.). Благодаря пассионарности, Эдуард Шеварнадзе (в то время первый секретарь ЦК компартии Грузии) сумел не только предотвратить репрессии, но и поддержать требования демонстрантов².

Это был чисто идеологический и символический акт. Реально грузинскому языку, как и грузинскому большинству в населении республики, ничто не угрожало: в Грузии грузины составляли 70 % населения, армяне 8 %, русские – 6 %.

6. Классы событий, способные изменить *status quo* и усилить или ослабить конфликтный потенциал ситуации. Ниже классы таких событий перечислены в направлении от самых общих к более частным; иллюстративный материал вынужденно минимален:

1) буржуазно-демократические, национально-освободительные и анти-тоталитарные революции и движения; последствия ослабления империй и падения империй. Примеры: обе волны белорусского национального возрождения: 1906–1928 и 1990–1995 гг.;

2) идеи, книги, политические программы в области национально-языковых отношений; примеры: издания первых записей украинской и белорусской народной словесности и литературы (первая половина XIX в.); «Декларация прав народов России» (ноябрь 1917 г.); большевистская программа «коренизации»; идеологические кампании 1947–1952 гг., направленные на усиление сталинского тоталитаризма и использовавшие формы великорусского национализма;

3) законодательное расширение использования мажоритарного языка в тех функциях, в которых прежде использовался местный или миноритарный язык; пример: постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров от 13 марта

¹ В 1936–1992 гг. в состав РСФСР/РФ входила Чечено-Ингушская АССР; в 1991 г. переименована в Чечено-Ингушскую Республику; в 1992 преобразована в Ингушскую Республику и Чеченскую Республику.

² Как пишет С. Маркедонов, историк национально-языковых проблем Кавказа, «фактически это был первый случай солидарности партийного чиновника высшего ранга с общественностью, осуществившийся под националистическим знаменем. В итоге союзный центр не только признал конституционное право считать национальный язык одной из республик государственным (чего, например, не было сделано даже в Прибалтике), но и отказался от корректировок конституций Армянской ССР и Азербайджанской ССР, а также в Абхазии» [Маркедонов 2011].

1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», ставшее началом полномасштабной русификации;

4) законодательные запреты использовать миноритарный язык в тех или иных культурно-образовательных функциях; примеры: «Валуевский циркуляр» – секретный циркуляр (1863) министра внутренних дел Российской империи Петра А. Валуева, предписавший, «чтобы к печати дозволить только такія произведенія на малороссійском языкѣ, которыя принадлежат к области изящной литературы»;

5) публичный протест против ущемлений прав национального языка; названный выше протест грузинской интеллигенции (1978) против исключения из конституции Грузинской ССР статьи о государственном статусе грузинского языка; в Индии в 1967 г. борьба за объем прав языков хинди и урду: «произошли ожесточенные столкновения, вылившиеся в массовые погромы и резню, в ходе которых было убито свыше 70 человек» [Чернышев 1977: 66]. Центральное правительство было вынуждено пойти на некоторое расширение прав урду.

6) международное давление (правовое, информационно-идеологическое, экономическое) как фактор снижения конфликтного потенциала языковой ситуации; пример: в июле 2012 г. Верховная рада Украины приняла закон «Об основах государственной языковой политики», согласно которому русский язык получил право считаться региональным в 13 из 26 областей страны, включая города Киев и Севастополь; эта норма сохранилась, хотя именно ее отмена Радой 23 февраля 2014 г. (хотя и не подписанная спикером и и. о. президента Турчиновым) стала спусковым крючком военных действий на юго-востоке Украины.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков [1934] / В. В. Виноградов. М., 1982.
2. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Тбилиси, 1984.
3. Маркедонов, С. Конфликты на Кавказе: советская прелюдия / С. Маркедонов // «Неприкосновенный запас». 2011. № 4 (78). // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/ma12-pr.html>.
4. Мечковская, Н. Б. Активные процессы в современной белорусской и русской ономастике: национально-семиотические различия / Н. Б. Мечковская // *Studia slavica*. [Opole], 2003. 7. *Slovanské studie*. 7. S. 199–212. [Перепечатано в: Мячкоўская 2008: 105–119.]
5. Мечковская, Н. Б. Развитие языковой ситуации в Беларуси XX века: дивергенция литературных языков и конвергенция диалектно-просторечных идиомов / Н. Б. Мечковская // Стандарт и субстандарт: диахронни и синхронни аспекти. Шумен, 2005. С. 59–71. [Перепечатано в: Мячкоўская 2008: 152–167.]
6. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. М., 2011.
7. Мячкоўская, Н. Б. Мовы і культура Беларусі: нарысы / Н. Б. Мячкоўская. Мінск, 2008 (Серія «Моваведы Беларусі».)
8. Пфандль, Х. Балканский сюрреализм: речевое общение поверх этнических барьеров / Х. Пфандль // Проблемы речевого общения. Десятые Шмелевские чтения. М., 2012. С. 149–154.

9. Субботин, Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Н. И. Субботин. Т. VII. М., 1885.
10. Толстой, Н. И. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южно-славянской письменности [1963] / Н. И. Толстой // Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 140–153.
11. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. München, 1987.
12. Чернышев, В. А. Языковая политика в современной Индии и языковые проблемы хиндиязычного ареала / В. А. Чернышев // Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977. С. 59–91.
13. Ягич, И. В. История славянской филологии [1910] / И. В. Ягич. М., 2003. [Репринтное издание.]